

*ДОКУМЕНТЫ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ*

Одним из самых ярких документов являются заявления о вступлении или выходе из партии. По сравнению с другими историко-психологическими документами заявления о приеме в РКП(б) мало привлекали внимание историков. Краткость, стереотипность содержания и клишированность таких текстов побуждали использовать их в лучшем случае как иллюстративный материал. Наиболее типичным это являлось для советской историографии. Вместе с тем анализ и этого источника дает некоторое представление о «революционном сознании» масс — разумеется, при этом необходим учет менее «формализованных» документов.

Первое, что сразу замечаешь, когда знакомишься с заявлениями о приеме в РКП(б) — это то, что внешне они близки к обычным прошениям, обращениям с просьбой о помощи. Стандартную фразу в конце заявления: «к чему и подписуюсь» можно обнаружить в целом ряде таких заявлений,¹⁶⁴ равно как и обращение «Покорнейше прошу», обычно помещаемое в начале заявления.¹⁶⁵ Канцелярское оформление этих идеологических документов (оно, правда, было присуще далеко не всем из них) может свидетельствовать об устойчивости прежних практик обращения к власти, несмотря на изменение их содержания. Не исключено, однако, что для некоторых из написавших заявления это было такой же меркантильной операцией, как и составление прошения о бытовых нуждах, и внешние приметы данных прошений для них здесь могли выглядеть вполне уместно. Каким бы ни было содержание этой просьбы, она оставалась именно просьбой, а не требованием и это вполне естественно могло подвигнуть на то, чтобы использовать штампы, привычные для просителя, причем не очень начитанного в идеологической ли-

¹⁶⁴ Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее — ГАНИНО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 2. Л. 48, 48 об., 52.

¹⁶⁵ Там же. Л. 27, 27 об., 50.

тературе. Штампы, содержавшие реликты «челобитных» формул, здесь стали привычными, что заставляет поставить вопрос о подлинности и степени осознания политического выбора.

Очень типично для многих заявлений использование широко распространенных клише. Можно предположить, что перед заявителями, живущими весьма близко, в рамках одного уезда, был некий общий прототекст, который они лишь слегка «модернизировали» в зависимости от уровня своей грамотности. В заявлении о приеме в РКП(б), написанном жителем г. Крестцы В. Горьковым 23 сентября 1918 г., находим такую фразу (сохраняем орфографию и синтаксис подлинника): «все время сочувствовал Болшовикамъ и признаю программу их правильной въ зачиту рабочихъ и беднейшихъ крестьянъ».¹⁶⁶ Спустя два дня житель дер. Шеребути Крестецкого уезда С. Ершов повторяет в своем заявлении почти тот же текст: «Я все время сочувствовал к Болшовикам и нахожу что программа коммунистов толко зачищает рабочихъ и беднейшихъ крестьянъ».¹⁶⁷ Сомнительно, чтобы разные люди так одинаково исказили слово «большевик». Возможно, они получали наставления от одного и того же вербовщика, агитировавшего за вступление в партию в разных местах уезда (такая практика была обычной) и к тому же самого не очень грамотного. Часть заявления они явно писали под диктовку человека, несколько импровизировавшего, хотя по одной, весьма простой канве. Имей перед собой письменный текст, они бы прямо и дословно переписали бы его, что тогда не было в диковинку. Тщательная же выписанность слова «Болшовик» (в обоих заявлениях с заглавной буквы) может свидетельствовать о том, что здесь внимание агитатора к составлению текста становилось более придирчивым, хотя последний и сам был не способен дать правильную транскрипцию этого термина. Характерно, что подпись — «Василий Горохов» — была выполнена другим почерком, нежели написанное им заявление. Возможно, за него писал это заявление кто-то другой, не исключено, что и вербовщик. Но кто бы ни подготовил этот текст — вербовщик или организатор партийной ячейки — считать его отражающим взгляды вступающего в РКП(б) можно лишь с крайней осторожностью. Был даже случай, когда заявление от желающего стать коммунистом было просто пере-

¹⁶⁶ Там же. Л. 48, 48 об.

¹⁶⁷ Там же. Д. 22. Л. 35.

писано без каких-либо изменений другим из них. Возможно, это было обусловлено тем, что подписавшие заявления В. Е. Пахомов и П. Е. Пахомов, вероятно, являлись родственниками.¹⁶⁸

Близость содержания заявлений Я. Иванова и С. Александрова, видимо, объясняется тем, что оба они служили в одном учреждении — Крестецкой уездной ЧК — и писали их в один день: 16 ноября 1918 г. Приведем их тексты почти полностью. Заявление Я. Иванова: «Покорнейше прошу товарищей коммунистов большевиков принять меня в партию как сочувствующего и всецело преданного коммунизму. Обещаю быть вежливым и все возлагаемые на меня работы обещаю исполнять энергично и аккуратно».¹⁶⁹ Заявление С. Александрова: «Покорнейше прошу товарищей коммунистов большевиков записать меня в партию коммунистов как сочувствующего стоящего на платформе Советской власти и всецело преданного коммунизму. Обещаю быть преданным и все возлагаемые на меня работы исполнять энергично и ак[к]куратно».¹⁷⁰

Заявления, несомненно, писались по общему образцу или под диктовку одного человека. Кто из заявителей импровизировал, отходя от заранее подготовленного текста, выяснить трудно. Обещание «быть вежливым» кажется более импровизированным (и более искренним, если принять во внимание нравы в ЧК), нежели обещание «быть преданным». Но нельзя не заметить ассоциативную связь последнего из них с предшествовавшим ему предложением, где заявитель характеризует себя как «преданного коммунизму». Типичность клише «на платформе Советской власти», использованного в заявлении С. Александрова, заставляет предположить, что Я. Иванов мог просто слегка сократить предложенную ему и его сослуживцу формулу. Говорить о том, можно ли, принимая во внимание малосущественные и не очень заметные различия в этих текстах, выявить различия в настроениях обоих чекистов, представляется излишним. Даже не задавая вопроса о том, могли ли быть у работавших в столь особом заведении разные политические предпочтения, подчеркнем, что изученные нами заявления скорее маскируют, чем приоткрывают перед нами механику унификации общественного сознания в первые послереволюционные годы. Оба из подписавших заяв-

¹⁶⁸ Там же. Д. 2. Л. 59.

¹⁶⁹ Там же. Л. 72.

¹⁷⁰ Там же. Л. 70.

ление о приеме в РКП(б) скрыты за броней умело или не очень умело сцепленных между собой штампов, за которыми трудно ощутить их индивидуальность.

Заметим в связи с этим, что во многих заявлениях о приеме в РКП(б) мы встречаем одинаковые клише — о том, что партия выступает защитницей низших классов («в зачиту рабочих и беднейших крестьянъ», «толко защищает рабочих и беднейших крестьянъ»),¹⁷¹ о том, что вступающий в партию сочувствовал большевикам («все время сочувствовали Большевикамъ», «Я все время сочувствовал к Большевикамъ», «сочувствовал партии коммунистов, большевиков»¹⁷²). Примечательно, что в коллективном заявлении о вступлении в партию (правда, редком в те годы) насыщенность текста различными расхожими клише еще более возрастает. Это объяснимо, поскольку здесь мы обычно имеем дело не с редакцией, унифицирующей различные взгляды в рамках одного заявления, а о «механическом» присоединении к заранее подготовленному тексту.

Наиболее типичным по цепочке скрепляющих его идеологических штампов является текст коллективного заявления служащих отдела внутреннего управления Крестецкого уездного совета (ноябрь 1918 г.): «Ввиду тяжелого кризиса, переживаемого в настоящий момент нашей дорогой Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, и как сочувствующие советской власти и питающие огромную симпатию к фракции коммунистов-большевиков не желаем далее оставаться простыми зрителями и сознавая, что теперь более чем когда либо нужна твердая поддержка существующей власти! Убедительно просим тов[арищей] коммунистов принять нас в свою семью, дабы прочнее сомкнуть ряды борцов за пролетариат и беднейшее крестьянство и общими усилиями добиться светлого будущего».¹⁷³ Уберите отсюда клише («сочувствующие Советской власти», «твердая поддержка», «прочнее сомкнуть ряды», «общими усилиями добиться светлого будущего») и от текста мало что останется. Специфика этого заявления — в чуть большей дозе, чем это допускалось в безыскусно-трафаретных кратких «низовых» текстах, пафосной риторике и канцеляриз-

¹⁷¹ Там же. Л. 35, 48, 48 об. Сохранена орфография подлинника.

¹⁷² Там же. Л. 48, 48 об., 50; Д. 22. Л. 35. Сохранена орфография подлинника.

¹⁷³ Там же. Д. 2. Л. 69. Сохранены синтаксис и пунктуация подлинника.

мов. Это было привычным для той среды, которая являлась не только бюрократической, но и более грамотной. Коллективное заявление (постановление, резолюция, обращение, воззвание), разумеется, может так же отражать позицию людей, как и составленный ими «индивидуальный» текст. Но в лучшем случае нам будет дано оценить только их общий настрой, без каких-либо оттенков — и обязательно надо сделать оговорку о том, что коллективное творчество зачастую было следствием манипуляций или репрессивного воздействия на массы. В кратких текстах «рядовых граждан», не очень грамотно переписанных (или, что бывало более редко, содержавших не очень отчетливые импровизации) по неумелости вкрапления клише в чуждую им обиходно-бытовую речь можно все же попытаться определять степень самостоятельности почерка заявителя. В текстах «грамотных» это сделать сложно: непосредственное, «живое» в человеке наглухо закрыто порой виртуозно составленной мозаикой различных систем идеологического письма.

Некоторые заявления представляют собой развернутое изложение биографии их составителя. Проанализируем содержание одного из них, написанного в ноябре 1918 г. П. М. Зениным. Оно явно составлено самостоятельно, но при этом видно, что контрапункты рассказа определены идеологической догматикой. Свою биографию Зенин, очевидно, «подстраивает» под осевые конструкции некоего идеального типа «обращенного в большевизм». «Не желая оставаться пассивным при воссоздании трудовой социалистической коммуны, защищающей интересы рабочих и беднейшего крестьянства <...>, я как истинный сын труда и вышедший из среды беднейших, горю желанием жертвовать всем до жизни включительно за благо и счастье трудового народа» — так начинается заявление.¹⁷⁴ Характерен штамп «рабочих и беднейшего крестьянства» — во многих заявлениях эти два класса перечислены только в такой последовательности и только такое прилагательное употребляли, когда писали о крестьянстве. Фраза «истинный сын труда», хотя и уместна по своей «литературности» и пафосности в устах провинциального педагога, не позволяет все же в должной степени оценить его идейность. Цели заявителя сплошь оформлены цепочкой риторических штампов («горю желанием жертвовать», «благо... трудового народа», «трудовая коммуна»). Конечно,

¹⁷⁴ Там же. Д. 22. Л. 45–46 об.

вступление в партию прежде всего подразумевается как духовный переворот, рассказу о котором и приличествует большая возвышенность, тщательный отбор слов и считается не всегда удобным делать акцент на прозаичных вещах. Но чрезмерная театрализация выставленных для публичного обозрения своих ценностей и целей, как правило позитивных, почти неизбежно исключает доверительность в обращении к кому-либо. Чем более текст насыщен такими штампами, имитирующими восхождение к высотам духа, тем в большей степени содержательно он является «пустым».

Переходя от декламации своих мировоззренческих позиций к повествованию о своем жизненном пути, Зенин, казалось, должен был несколько «приземлить» текст, сделать его менее риторичным. Этого, однако, не происходит, поскольку перечисление всех биографических фактов служит одной цели — доказать подлинность, неминуемость и последовательность своего движения к большевизму, а это снова требует использования особого клишированного языка. Этот язык, к тому же, может служить завесой при описании тех эпизодов, в которых автор мог выглядеть не столь революционно и однозначно. Так, Зенин сообщает, что он принимал «деятельное участие в строительстве новой жизни»,¹⁷⁵ но не уточняет, о чем идет речь. Говорится в заявлении и о том, что в начале революции он находился «на передовых позициях в полку» — двусмысленная фраза, учитывающая контекст события. Еще большей двусмысленностью, осложненной примесью риторики, отличается его утверждение о том, что он «в числе немногих сознательных товарищей всеми силами стремился к созданию в полку прочной красной ячейки».¹⁷⁶ Автор заявления нарочито избегает какой-либо конкретности. Не названы ни фронт, ни полк, где он служил, не ясно, о какой «красной ячейке» идет речь — чтобы поймать его на слове, необходима сугубая изошренность. «Анкетные» заявления о вступлении в РКП(б) не были тогда в диковинку, но им обычно было свойственно громоздкое и дотошное перечисление должностей, на которых удалось побывать кандидату в коммунисты. Здесь же перед нами своеобразная квази-анкета, несомненно определенная знанием ряда стратегий при поступлении в партию. Сценарий заявления имеет следующий вид:

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

сначала излагается политическое кредо его составителя, а затем показано, что оно не возникло ввиду конъюнктурных расчетов, а обусловлено его политическим и социальным опытом. Все ненужное, мешающее достижению цели заявителя, отбрасывается. Все вехи его биографии, способные вызвать сомнение в искренности его революционности, получают мотивировки, которые свидетельствуют о понимании заявителем правил тогдашнего политического политеса: когда приходится объяснять свой уход из армии, то подчеркивается, что первый раз он был уволен из ее рядов вследствие своей профессии педагога, а второй раз — из-за необходимости лечения и ввиду расформирования полка.

Еще один вариант заявления — биографии — текст, написанный в октябре 1918 г. членом Крестецкого уездного исполнительного комитета Д. С. Никуличевым. Прочитируем его полностью: «Приветствую Советскую рабоче-кр[естьянскую] армию и горячо сочувствую партии коммунистов большевиков. Я 5 марта сего года поступил в рабоче-крестьянскую Красную Армию и приносил всю свою силу и энергию на пользу общего блага, затем я, как представитель от отряда Красной Армии, принят членом исполкома и по настоящее время продолжаю работать на пользу и развитие, и укрепление дорогой рабоче-крестьянской Советской власти, и я, как сознательный работник, не могу ограничиться сочувствием к партии, а потому прошу исполнит[ельный] комитет партии записат[ь] меня, Никуличева, членом партии коммунистов большевиков и выдат[ь] членский билет».¹⁷⁷ Его тоже можно счесть осмотрительно составленным документом, и не вина его автора в том, что он, желая подчеркнуть, что находился в рядах Красной Армии с самого начала ее существования, не заметил, что оказался в ней спустя несколько дней после заключения Брест-Литовского договора и прекращения войны.

Текст еще менее конкретен, чем заявление П. М. Зенина. Это даже не изложение биографии, а вкрапление тех или иных биографических данных в сугубо риторический текст для того, чтобы подтвердить содержащиеся здесь положения. Составные части заявления имеют такую последовательность: 1) здравицы в честь армии и выражение сочувствия партии; 2) перечисление тех вех биографии, которые характеризуют составителя заявления как преданного сторонника большевизма; 3) мотивация

¹⁷⁷ Там же. Л. 38—38 об.

решения о вступлении в партию. Текст можно счесть неким промежуточным звеном между кратким, сплошь насыщенным идеологическими клише текстом и собственно биографией, содержащей конкретные детали жизненного пути кандидата. Не очень, правда, ясно, что перед нами — эволюция жанра заявления или отражение разных подходов к его составлению, характеризующих степень выполнения местными партийными структурами инструкций вышестоящих инстанций. Подчеркнем, что в ряде случаев оговорки в заявлениях, призванные удостоверить лояльность их составителя (например, указание на то, в каких партиях он состоял или сочувствует ли он идеям коммунистов), отсутствовали, но где-то они являлись его обязательной принадлежностью. Но независимо от того, было ли продиктовано (вследствие выполнения канцелярских требований) содержание текста заявителю или он счел необходимым привести подробности своей биографии, чтобы придать заявлению большую доказательность, самый факт изъяснения верноподданнических чувств характеризует как и уровень конформизма кандидата, так и его согласие следовать определенным правилам политических и бюрократических игр.

В некоторых заявлениях приводятся и другие формулировки, не столь прямые, призванные подчеркнуть факт лояльности кандидатов, но не исключено, что они скорее являлись следствием инициативы вербовщиков, контролировавших подготовку документов. Так, два кандидата, подавших заявление о приеме в РКП(б) в октябре 1918 г., Д. Евстюшкин и Д. Лукин, объясняли свое отсутствие в ее рядах почти в одних и тех же выражениях: «Ранее был беспартийным, ввиду того, что проживал в провинции и с программами знаком не был»,¹⁷⁸ «ранее я не просился в названную партию по той причине, что ранее не был знаком с программой и действи[ем] ее».¹⁷⁹ Не очень ясна подоплека того, почему в некоторых заявлениях отмечены одни критерии лояльности, а в других из них эти критерии меняются. Но мы должны отметить в целом прочность и неизменность сценариев составления заявлений и его доминант. Указание на свою преданность, будь то перечисление этапов биографии или оправдание, там присутствует обязательно. Мы можем, конечно, оценить обоснованность таких оправданий (и усомниться в

¹⁷⁸ Там же. Д. 2. Л. 51.

¹⁷⁹ Там же. Л. 52.

искренности рассказа кандидата о том, что он ознакомился «с программой и действием ее» только спустя год после Октябрьского восстания), но стоит признать, что внешне они отличаются логичностью, а большего от вступающих в партию, как это видно из документов, и не требовалось. В этом заявлении мы можем явственнее обнаружить «второй» слой, что в какой-то мере помогает снять с него риторические наслоения и лучше оценить искренность политической исповеди. Так, в заявлении В. Е. Петрова после ставших традиционными уверений («раньше я нивкакой партии не состоял а все время сочувствовал партии коммунистов Большевиков») содержится следующее признание: «Настоящее время я служу в Чрезвычайной Комиссии необходимо быт в партии».¹⁸⁰ Первые его оговорки продиктованы сложившимся ритуалом вступления в партию и о его подлинной позиции скажут нам немного. Но последняя из оговорок делает более прозрачными, и, скажем прямо, более прозаичными мотивы его желания стать коммунистом.

Все проанализированные нами заявления о приеме в РКП(б) написаны осенью 1918 г. и круг их авторов ограничивается только жителями Крестецкого уезда Новгородской губернии. В силу этого делать далеко идущие выводы крайне трудно, но и примененный здесь микроисторический подход имеет ряд преимуществ. Он четче показывает нам некоторые доминирующие тенденции, характерные для одной местной структуры, которые труднее проследить в том случае, когда приходится оценивать партийно-канцелярское творчество в рамках губернии или даже целого региона. Первое, что необходимо отметить — сугубо формальный подход к составлению заявлений о приеме в коммунистическую партию. Историка, читающему эти документы даже между строк, едва ли удастся узнать из них о настроениях кандидатов и мотивах их решения. Как следует из документов, специфичность такого акта, как вступление в партию, осознается не в полную меру. Заявления составляются как типичные прошения, с соответствующими лексическими формулами («покорнейше прошу», «к нему и подписуюсь»), а не как нечто, что отражает духовный переворот. В очень многих ситуациях авторы заявлений просто переписывают имевшийся у них образец (и в рамках уезда это увидеть гораздо легче, чем в рамках губернии). Незначительные различия в их текстах

¹⁸⁰ Там же. Л. 55. Сохранена орфография подлинника.

обусловлены скорее уровнем их грамотности, но не способны показать различия их индивидуальностей. Даже там, где самостоятельно пытаются составить заявления, последние скреплены жестким каркасом клише, как правило, однообразных.

Разумеется, использование штампов не обязательно приводит к тому, что мы лишаемся возможности узнать что-либо о «революционном сознании» неопитов большевизма. Но это означает, что различные устремления, предпочтения, ценностные ориентации, которые, конечно, могут быть и очень индивидуальными у разных людей, «унифицированы» нормативным политическим языком, который не позволит выявить оттенки настроений, какие-либо отклонения, неофициозные мнения — все скрыто за шелухой «политической трескотни». Сами заявления, если оценивать структуру и стратегии многих из них, далеки от бесхитростной, искренней исповеди. В тех случаях, когда перед нами развернутое заявление с элементами автобиографии, мы обнаруживаем искусный подбор тех описаний жизненного пути, в которых замалчиваются его «невьигрышные» эпизоды и выставляется на первый план то, что должно представить заявителя как человека, готового стать коммунистом.

И все же даже такой источник, как заявления о вступлении в РКП(б) дает возможность выявить некоторые особенности облика «революционеров» первых послеоктябрьских лет. Это человек, который часто без оговорок принимает правила предписанных ему бюрократических игр, не пытаясь сопротивляться им. Он зачастую не имеет собственного «индивидуального» языка для выражения своих политических настроений и охотно пользуется языком клишированным. Это человек, который азы политической грамоты приобретал скорее понаслышке, на митингах, а не посредством чтения книг. Для него вступление в партию может быть продиктовано и корыстным расчетом, а не только «идейными» соображениями. Он, наконец, готов нарочито подчеркнуть свою лояльность и порой делает это хотя и неуклюже, но самостоятельно, вырываясь за частокол чуждых его культуре идеологических штампов.

Рассмотрим теперь заявления о мотивах выхода из партии — таковыми могут быть и заявления с просьбой исключить из рядов РКП(б), и последующие, где более подробно объяснены причины такого поступка. Комплекс таких специфических документов в советское время вообще не мог быть предметом

рассмотрения. Слишком много «краеугольных камней» пришлось бы при этом сдвигать, а это никак не способствовало устойчивости историографических конструкций, основанных на идеологической догме.

Источником для этого исследования стал корпус подобных заявлений, хранящихся в Государственном архиве новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). В целом таких документов сохранилось немного; едва ли они способны воссоздать во всей полноте противоречивую картину трансформации массовых настроений в Новгородской губернии во времена «военного коммунизма». Но и тексты, которые все-таки дошли до нас, позволяют выявить ряд тенденций, обусловивших конформизацию советского общества и формирование новых поведенческих установок.

При исследовании этих документов мы сразу встречаемся с парадоксом. Казалось бы, они должны содержать «первичные» свидетельства о политической культуре, не искаженные, как в партийных сводках, передачей мнений через вторые и третьи руки. Легко убедиться, однако, что подслушанный, нередко записанный невнятно и фрагментарно информатором «антисоветский» разговор, в известной степени более адекватно отражает подлинные настроения людей, нежели их прямая речь, облеченная в письменную форму.

Заявления эти отличаются по языку, но обычно невелики по объему — как и все то, что написано самостоятельно, но требует усилий, непривычных для людей, не занимающихся интеллектуальной работой. Если сравнивать их с заявлениями о вступлении в ряды РКП(б) того же времени и людей того же социального слоя, то сразу заметно, что у заявлений о вступлении гораздо более клишированный, нормативный и унифицированный язык. Писались они, очевидно, под диктовку вербовщика, партийного работника, и включали, как правило, одни и те же политизированные штампы.

Заявление о выходе из партии — особый жанр письма. Здесь нет образцов — каждый составляет его в соответствии с уровнем своего кругозора, грамотности и, скажем прямо, смекалки. Связных, литературно оформленных текстов с логичным переходом от одной части к другой, с устойчивыми и уместно употребленными словосочетаниями почти нет. Заявления во многих случаях словно стенографируют обырви-

стую и нескладную повседневную речь крестьян. Самый яркий пример здесь — заявление М. Емельянова, написанное в ноябре 1919 года. Приведем его полностью, сохраняя синтаксис и орфографию подлинника: «Прошу я Гражданинъ Костковской волости деревни болш. Порог Михаилъ Емельянов уволить миня из Партіи или же на время Такъ что я живу въ чужом дому и у миня нонича налажано на избу лесу и его мне нужно Приделить Къ делу вывиз и срубить избу ато у миня вся Семя Погибнить и дети будут безчасной безъ своей избы и ещо зоявляю Я вамъ что я был выписоша волостномъ Комунистическомъ отъдели и билет членской был здадина и оны мне сказали что ты Теперь несуществуеш въ Партии и я был выписовша 19 октября с/г а Потом Продержа две нидели и Прислали мне обратно низнаю Пококому Случаю и Говорят что мы ниможемъ выписать и зачем они у миня бумаги взяли и столька время держали у себя и затеить Прошу я вас уволить миня неоставить моей Прозбы въ такомъ маемъ несчастном Положеніи Я Гражданинъ Михаил Емельянов». ¹⁸¹

Здесь даже нет чересполосицы политизированной и обыденной речи, характерной для других подобных документов — например, для заявления Сергеева, написанного в апреле 1921 года: «Сменя потребоволи что почему выходишь ис партии Я заявляю что я Незнаю программы Коммунизма. Не могу проводить оге-тацие среди безпартийныхъ поетому меня выключить испартие». ¹⁸² В заявлении М. Емельянова — сплошь житейские жалобы, высказанные уместным в данном случае просительным, почти униженным тоном. Ощутимы заметные перебивы доминант в этом тексте. Кажется, его последовательность определена внезапно возникающими ассоциативными связями, при этом автору все же трудно сохранить хотя бы минимальную связность в изложении своей просьбы.

Однако эти особенности текстов М. Емельянова и Сергеева в целом все же редки для такого рода документов. Обычно заявление содержит лишь краткую мотивацию принятого решения. Подчеркнем, что одно из заявлений имеет подпись «За безграмотного А. Петрова» ¹⁸³ — примечательная иллюстрация тезиса о роли партии как авангарда общества. Только в том

¹⁸¹ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 92. Л. 13 об.

¹⁸² Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 224. Л. 29, 29 об.

¹⁸³ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 92. Л. 1.

случае, когда грамотность автора заявления выше средней и у него возникает необходимость подробно рассказать о причинах своего поступка, чтобы отвести от себя подозрения, текст становится более пространным.

Форма заявлений нередко очень близка к форме прошений или жалоб, с характерными для них формулами: «Прошу», «К сему подписуюсь». Возможно, такова была традиция оформления различного рода официальных документов, накрепко усвоенная крестьянами еще с дореволюционных времен. Тот же язык, кстати, характерен и для заявлений о вступлении в ряды РКП(б) в 1918–1920-е годы. Но все же такой стиль письменных обращений следует признать символическим, учитывая их содержание. Это действительно *прошения* — в них извиняются, порой униженно, а не выдвигают какие-либо требования. В заявлениях неизбежно проступает чувство вины за совершенный поступок. Это заметно и по сдержанности разъяснений, и по уверениям в лояльности автора, и по эмоциональности обращений, иногда доходящей до интонации мольбы. Это сложившееся уже к 1919 году представление о ВКП (б) как об организации, выход из которой затруднен и нуждается в особо веских основаниях, весьма симптоматично.

В заявлениях чувствуется страх и, возможно, небеспокойный. Здесь скорее даже сказалось не опасение утраты жизненных перспектив и выпадения из социальной элиты, характерное для общественных практик 1950–1980-х годов. В то время, когда правовое сознание было «революционным», а импровизации местных властей не всегда обрывались окриком верхов, наказания за «рenegатство» могли быть не только экзотическими (например, «занесение на черную доску», как это бывало в 1921 году в коллективе РКП(б) железнодорожной станции Окуловка¹⁸⁴), но и болезненными. Так, на заседании Костыковского волостного комитета РКП(б) осенью 1919 года, рассмотрев заявление коммуниста С. Трушина, решили не только исключить его из партии, но и «лишить настоящего места службы и призвать на тыловые работы».¹⁸⁵

Выраженное во многих заявлениях о выходе из РКП(б) уверение в собственной лояльности в значительной мере можно считать вынужденным. Оно определялось необходимостью сохра-

¹⁸⁴ Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 224. Л. 20.

¹⁸⁵ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 113. Л. 46–47.

нить свое положение и оградить себя от репрессий. Стремление продемонстрировать свою благонадежность могло, в соответствии с индивидуальными особенностями каждого из заявителей, по-разному проявляться в содержащих мотивацию выхода из партии заявлениях. Различия эти, однако, не были существенными. Мы уже писали об унифицированности заявлений о вступлении в РКП(б). Но общее желание покинувших ряды партии принизить значение своего поступка и показать его необходимость могли также способствовать аналогичной унификации: несмотря на упомянутый выше стилистический разнобой в текстах заявлений, вероятно, выбор вариантов оправдания был все же невелик.

В числе главных причин назывались слабое здоровье, сложные «домашние обстоятельства», необходимость сосредоточить все свои усилия на помощи многодетной семье. К этому добавлялись, хотя и явно имели второстепенный характер, такие причины, как незнание партийной работы, перегруженность и, наконец, политическая безграмотность. Являлись ли они подлинными причинами или маскировали что-то иное — ответ на этот вопрос весьма труден, а иногда и невозможен без знания неизбежно ускользающих от историка подробностей события.

Следует обратить внимание, однако, на ряд обстоятельств. Так, находившиеся в одной ячейке РКП(б) В. Яковлев и Л. Петров, вместе подавшие заявление о выходе из ее рядов, похоже, писали их по единому образцу. В заявлении В. Яковлева содержится просьба «выключить меня испартие виду моей болезни и Домашние опстоятельства»¹⁸⁶, а Л. Петров мотивировал свой уход «болезнью и семейными делами»¹⁸⁷. Стоит задуматься, случайно ли их мотивация почти совпала в деталях. Необходимо поэтому внимательнее присмотреться и к другим аргументам, высказанным в заявлениях.

Сомнительными кажутся ссылки на слабость здоровья (особенно когда при этом отмечают, что должны содержать семью из 7--8 человек) — пребывание в партии для ее рядовых членов в 1919 году все же не было похоже на каторжные работы. Нерегулярное посещение собраний и разовое выполнение партийных поручений также едва ли было способно пробить брешь в семейном бюджете. Реальной причиной могла быть необходимость уплаты членских взносов, сколь бы

¹⁸⁶ Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 224. Л. 31.

¹⁸⁷ Там же. Л. 21.

мизерными они ни являлись, но об этом не говорилось ни в одном из заявлений.

Попытки выходящих из партии продемонстрировать свою преданность новой власти можно оценить иначе, обратив внимание и на ту расчетливость и осмотрительность, с которой они подбирают аргументы. Никаких выпадов против советской власти, никаких искушений представить себя более правоверным коммунистом, чем Ленин и обосновать свой уход несогласием с введением НЭПа -- ничего этого нет. Мы не обнаружили в архиве ни одного заявления о выходе из партии, вызванного таким несогласием. Есть перечисление тех причин, которые более всего извинительны в то трудное время. Но авторам этих текстов нужно было еще и подчеркнуть свою лояльность — прямо и без всяких оговорок. Посмотрим, какими приемами это достигалось.

В заявлении Л. Петрова (15 апреля 1921 года) отмечалось, что его здоровье подорвано на русско-германской войне¹⁸⁸. Тем самым из «шкурника» он превращается в жертву империалистической бойни — могут ли быть к нему какие-либо упреки? Этого ему, однако, недостаточно и он усиливает степень своей лояльности подписью «К вашим услугам верный»¹⁸⁹. В заявлении П. Дмитриева (28 марта 1921 года) ссылка на болезнь как на причину выхода из партии сопровождается таким пояснением: «Быть членом партии и не работать — нахожу это позором»¹⁹⁰. В заявлении А. Зайцева (1 января 1922 г.) перечислены причины, побудившие его покинуть РКП(б). Ни одна из них не является политической, но он счел необходимым заключить свою просьбу и такой ремаркой: «Конечно, добавляю, что мысли мои не изменятся и работа не ослабнет»¹⁹¹. О какой работе идет речь, он не сообщил, и возникает ощущение, что он словно автоматически повторил устоявшийся политический штамп, даже не вникая в его смысл.

Самым ярким, пожалуй, можно признать заявление М. Иванова: «В виду моей болезни так как на собрание являться не представляется возможным а остаюся заурядным членом и числится на бумаге то считаю преступным и посему прошу исключить из партии»¹⁹². Уловить логику в таком тексте крайне

¹⁸⁸ Там же. Л. 32.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же. Л. 23.

¹⁹¹ Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 318. Л. 23–23 об.

¹⁹² Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 224. Л. 28.

сложно, поскольку представленная им причинно-следственная цепочка такова: коммунист, не посещающий собрания — «заурядный» коммунист — «бумажный коммунист» — преступный коммунист. Услышать в ответ на свои аргументы вопрос о том, почему бы ему не вылечиться и не стать вследствие этого настоящим коммунистом, Иванов, видимо, не ожидал.

И в других случаях бывает очень трудно понять, правдивым объяснением или уловкой является ссылка на болезнь как причину выхода из партии. Но речь идет не о том, насколько значима была болезнь, а о том, какими «лояльными» оговорками сопровождаются упоминания о болезни, и о явных противоречиях, на которые не обращают внимания авторы заявлений. «Даже не могу посисчитать партийное собрания а нечто-то нисти портейною работу»,¹⁹³ — писал в своем заявлении В. Яковлев, и его доводы следует признать вескими, поскольку «как После отца смерти приходится Делать все самому а семья из 7 человек».¹⁹⁴ Но примечательно, как он заканчивает свое обращение: «А к партии остаюсь таковажо мнения, как был и раньше».¹⁹⁵ Возникает вопрос: почему оказалась столь необходимой эта ремарка? И не только В. Яковлеву, но и авторам других заявлений (имеющих отчетливый «оправдательный» характер), независимо от того, что они указывают в качестве главной причины своего поступка — болезнь, занятость, нищета, многодетность или что-то иное?

Документ, который должен был отразить в какой-то мере настроения коммунистов (не имеет значения, оппозиционных или лояльных), в значительной мере превращается в свидетельство их самоконформизации. Человек мог, не особенно заботясь об аргументах и не всегда воспринимая их политический смысл, по чужому образцу написать заявление о приеме в РКП(б). Это едва бы «перепахало» его, если воспользоваться известной ленинской оценкой достоинств романа Н.Г. Чернышевского. Но заявление о выходе из партии требовало от него особой изворотливости, более индивидуальной, «своей» манеры оправдания, осознания важности идеологических табу и хотя бы примитивного понимания их, умения посредством словесной эквилибристики выстраивать образ благонамеренного гражданина и, наконец, толики экзальтации и надрыва — иначе как убедить в своей искренности?

¹⁹³ Там же. Л. 31.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же.

Так происходило глубинное «самовоспитание» человека. Самостоятельное составление «лояльного» ответа, а не участие в рутинном ритуале, предсказуемом по своему сценарию и имевшем групповой характер, быстрее ломало присущие до-революционному, «ветхому» человеку внутренние преграды и превращало его в человека советского.

Парадокс состоит в том, что коммунист, выходявший из рядов РКП(б) и, казалось, совершавший антипартийные поступки, своей апологией в большой степени «перепыхивал» себя в советском духе, нежели те, кто вступал в партию. Авторы многих заявлений в силу их низкой культуры не способны были создавать объемные и яркие тексты, и их тактические приемы примитивны. Но там, где мы встречаем человека, владеющего литературным слогом, все детали конформистских операций проявляются особенно ярко.

Таковым является заявление С. Трушина, в котором оправдывается его выход из партии. В нем заметны несколько тактических ходов. Иногда они откровенно казуистичны. Он, например, считает, что «если общее собрание членов партии нашло мотивы в моем заявлении об исключении меня из партии не уважительными, то я полагаю, что оно поэтому не имело законных оснований исключать меня из партии, а целесообразнее и правильное было бы заявление мое отклонить или вызвать меня для личного объяснения»¹⁹⁶. Конфликтов со своими бывшими «товарищами по партии» он, однако, стремится всячески избегать, вообще его апелляциям присуща максимальная тактичность: «Программа партии говорит, что в партию принимаются только желающие и свободно исключаются из партии те товарищи, которые по каким-либо для них уважительным причинам не могут далее быть в партии. <...> Я честно и открыто заявил товарищ[ам] по партии, что по весьма для меня уважительным причинам не могу далее состоять членом партии!»¹⁹⁷ Уважительная причина — это «семейный разлад»; ни о какой политике здесь нет и речи. Замечание о том, что он говорит прямо и ничего не скрывает, видимо, не случайно — никто не смеет заподозрить его в конспирации, уже ставшей в 1919 году синонимом неблагонадежности.

Этого ему показалось мало. Конечно, можно было обратиться к «товарищам» с мягкими увещеваниями, содержащими на-

¹⁹⁶ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 113. Л. 46–47.

¹⁹⁷ Там же.

меки на необходимость соблюдения процедурных деталей. Но даже одно их решение отправить С. Трушина, не имея на то полномочий, на «тыловые работы», показывает, что такие аргументы едва бы оказались для них убедительными. Он прибегает поэтому к другому приему — прямой политической самореабилитации. Как надо поступать в таком случае, он, несомненно, знает. «Я сын своего бедняка отца лапотника — крестьянина землероба»¹⁹⁸ — это предложение показывает, что он хорошо разбирается в новой, советской сословной иерархии. Трушину недостаточно только одного определения своего «правильного» социального положения. Он занимается рискованными синтаксическими упражнениями, ставя слово «бедняк» перед словом «отец», да еще использует диковинную фразу «сын своего бедняка». Он делает все, чтобы отразить в первую очередь именно социальное происхождение, а не степень родства.

Требуется, однако, не только это. Надо доказать еще и духовную преемственность с отцом — сельским пролетарием безупречной чистоты, удостоверяемой бедностью. И Трушин продолжает: «...Предан делу революции и социалистическому советскому строительству жизни трудового народа. Для меня дорог лозунг, написанный на “Красном знамени” Советской власти трудового народа. Советская власть — единственная власть, ведущая трудовой народ к свободной и счастливой жизни. Советская власть есть защитник “прав и правды” трудового народа. Красное знамя коммунизма для меня свято, и я ему всегда буду верен».¹⁹⁹

Автору трудно остановиться. Вся цепочка соотнесенных между собой политических клише в то время традиционно завершалась эмоциональной, «лозунговой» концовкой. Он и к этому готов, и делает это с усердием, которое нельзя не признать чрезмерным даже для апологетических текстов:

«Да здравствует РСФС[Р] власть!

Да здравствуют вожди мировой революции, ударившие в вечевой колокол и пробудившие трудовой народ от многовековой спячки для свержения рабства и ига империализма и капитала!

Да здравствует доблестная Красная Армия!

Да здравствует полная победа труда над капиталом и буржуазией!»²⁰⁰

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же. Л. 47.

Все это — характерные образчики полуистершихся риторических штампов, «политической трескотни», к 1919 году успешней всем надоесть — недаром ее клеймил даже Ленин в написанной тогда же статье «Великий почин»²⁰¹. Возникает впечатление, что перед нами — не оправдательный документ, созданный для защиты от обвинений в ренегатстве, а классическая советская «агитка», приобретающая пародийный тон из-за стремления автора сверх всякой меры наполнить текст идеологическими штампами. Заметно к тому же, что Трушин причудливо и своеобразно «до-страивает» использованные им для выражения собственной благонамеренности клише, не останавливаясь в своем рвении даже перед тем, чтобы сделать их тавтологичными.

Изученные нами заявления о выходе из РКП(б), рассматриваемые как источник для изучения настроений коммунистов, нуждаются в очень осторожном подходе. Они обнаруживают, что рядовые и недавно принятые члены партии, как правило, имели смутное представление о том, в какой организации они находятся и к каким целям должны стремиться. Кажущееся анекдотичным заявление М. Емельянова с вкраплением канцеляризма («уволить меня из Партии», «билет членской был здадина», «ты теперь не существуеш в Партии») — весьма показательный здесь пример.

Когда же авторы придерживаются установленных ритуалов и цель их определяет форму и содержание текстов, становится очевидной нарочитость использования тех или иных политизированных выражений как тактических приемов. В целом можно прийти к выводу, что такие тексты скорее маскируют подлинные настроения их авторов — возможно, и создаются они именно для этого. И маскируют нередко столь основательно, что и обладающий новейшими методиками историк не может прорвать броню крепко спаянных между собой штампов и понять, что они скрывают.

Условность мотивации выхода из партии становится более явственной, когда ее анализируют в широком контексте «партийного строительства» конца 1910-х — начала 1920-х годов. Зная о том, насколько редко проводились партийные собрания и как часто тогда пренебрегали выполнением партийных поручений, вполне возможно оценить, сколь мало значимым мог

²⁰¹ Ленин В.И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 23.

быть для мотивации выхода из партии такой довод, как расстроенное здоровье. Более основательными следует считать ссылки на политическую безграмотность — но, возможно, для многих и это было только внешним поводом, учитывая, сколь многочисленными являлись агитационные кампании, следовавшие в 1918 — начале 1920-х годов одна за другой, митинги, сельские сходы, публичные читки газет. Прямые и косвенные уверения в благонадежности, иной раз приобретающие гиперболические очертания, нарочитое подчеркивание своего «пролетарского» социального статуса — все эти особенности данных документов также не позволяют отнестись к ним с должным доверием.

Ценность их в другом. Заявления о выходе из партии — свод представлений о лояльности к власти, которые были у людей переходного времени. Эти представления могли быть глубокими или поверхностными, но в целом их основные элементы являлись типичными. Именно такие представления о лояльности исподволь приучали людей к конформистской норме — заставляя осознавать границы протеста, вырабатывать особый язык послушания, соглашаться на приемлемые для власти компромиссы.

Еще одним ценным источником для изучения настроений новгородских коммунистов 1920–1930-х гг. являются материалы о партийных чистках. Они разнообразны — это и статистические сводки, и докладные записки партийных структур разных уровней, и жалобы и апелляции коммунистов, и протоколы контрольных и «проверочных» комиссий, выносивших вердикт о возможности пребывания в рядах ВКП(б). Большинство этих документов имеет вторичный характер, о взглядах коммунистов мы обычно получаем сведения из чужих рук. Этого нельзя, правда, сказать о письменных обращениях членов партии в различные инстанции, поскольку создавались они в соответствии с традиционными сценариями апологий и содержали набор определенных приемов, призванных оправдать обвиняемого в нарушениях партэтики. Трудно, к тому же, установить, насколько самостоятельно они были написаны и не пользовались ли их авторы услугами грамотных людей.

Более интересным и адекватно отражающим настроения членов партии документом является запись ответов коммунистов на вопросы участников партийных собраний, посвященных «чисткам» в низовых парторганизациях. Эти вопросы во

многим являлись неожиданными и у коммунистов, как правило, не было времени для обдумывания ответов на них, некому было и сразу подсказать им умелый тактический ход. Такие ответы, поэтому, ярче чем что-либо иное, способны дать представление о реальном облике коммуниста и снять наслоения с нарисованного им автопортрета, имеющего оттенок благообразности. Кажущаяся прямота ответа здесь, однако, не должна вводить в заблуждение: и в такой ситуации запутавшийся человек мог сказать не то, что думал.

Мы приведем здесь несколько примеров этих спонтанных ответов на партийных собраниях в 1929 г. не для того, конечно, чтобы попытаться за оговорками увидеть нечто, тщательно скрываемое коммунистами, а как образчик той растерянности, которая возникает именно тогда, когда кого-то застают врасплох. Так И. А. Баженов на вопрос «А вот часто ездешь, сколько жен имеешь?» отметил: «Пока одну в Новгороде»,²⁰² а А. В. Соловьев откликнулся на слова «Как с религиозностью?» репликой: «Ни во что не верю...».²⁰³ Способы выражать себя для людей, имеющих невысокий уровень культуры, вообще упрощены, а если им еще задают и непредвиденный вопрос, порой начинается и ломка синтаксиса, нарушение логики ответа: буквальное прочтение текста здесь почти всегда невозможно.

Нами изучены протоколы открытых собраний по «чистке» членов партийной организации Боровичского городского и районного управления милиции, проведенных в сентябре 1933 г. Собственно, вопросы к экзаменуемым можно разделить на несколько блоков. Первый из них касается знания коммунистами программы и устава партии, главных положений коммунистической теории, важнейших политических событий в стране и за рубежом. В основном вопросы, заданные на собраниях во время «чисток», затрагивают только эти сюжеты. Другой блок вопросов посвящен выполнению коммунистами своих обязанностей, их поведению в быту, отношениям с семьей. В целом таких вопросов немного. Возможно, они и возникли именно потому, что сугубые «огрехи» морали и быта членов партии — например, хроническое пьянство, попытки суицида, сон во время несения службы, незаконное использование служебного положения, зазнайство — приобрели особый резонанс и их было невозможно скрыть.

²⁰² ГАНИНО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 15. Л. 4, 4 об.

²⁰³ Там же. Л. 5, 5 об.

И все-таки более значимыми для участников собраний, посвященных «чисткам», представлялись те вопросы, которые позволяли оценить уровень политического образования коммунистов. Едва ли они стремились дотошными вопросами обнаружить под личиной партийца «примазавшегося» (согласно терминологии тех лет) и тем более замаскировавшегося врага. Усердие, проявленное ими, определялось прежде всего традицией таких проверок. Они постоянно проводились с начала 1920-х гг. обычно по одному сценарию, хотя и в разных формах. Это примечательное явление. Вряд ли целью инициаторов «чисток» было столь уж скрупулезное изучение политической грамотности членов ВКП(б). Куда более важным считалось отношение к партийным, трудовым и общественным обязанностям. В коммунистических же низах «чистку» воспринимали нередко как своеобразный пересказ выученного урока. Так было легче и интереснее, чем разбираться в деталях чужого быта, которые многим были неизвестны и вызвали бы затруднения при формулировке вопроса. Придирчивое расспрашивание о подробностях личной жизни, хотя и допускалось, наталкивалось на непреодоленные этические табу, причем знали, что в таком случае в роли отвечающего мог оказаться любой из участников собрания. Нетрудно было увидеть во всем этом и оскорбительный смысл, а едва ли создание склок в партийке было той задачей, которую ставили перед собой организаторы кампании.

Знакомясь с протоколами открытых партийных собраний, посвященных «чисткам», и отмечая заданные коммунистам вопросы, подчеркнем следующее обстоятельство. Перед нами — очень краткие, нередко однозначные ответы, которые едва ли могли отражать всю сумму политических знаний членов ВКП(б). Трудно определить, в какой мере упростил ответы последних протоколист. Нельзя, однако, не обратить внимание на специфику передачи им чужой речи. Во-первых, она заметно индивидуализирована, если сравнивать записи ответов различных людей, зафиксированных в одном протоколе. У каждого из них ощущается особый синтаксис и специфическая лексика, включавшая политический жаргон тех лет, хотя и с разной степенью органичности вкраплений идеологических клише. Во-вторых, видна законченность ответов. К ним было трудно что-то добавить, поскольку они обычно полностью исчерпывали суть заданного вопроса. Подчеркнем также и другое обстоятельство.

Протокол являлся тем документом, на основании которого принимали решение о продолжении членства в партии и, в силу этого, он должен был максимально точно воспроизводить ответы, чтобы исключить возможность последующих апелляций и обвинений в предвзятости.

Читая протоколы собраний, сразу замечаем, что наиболее точными являются ответы на вопросы, касающиеся «текущего момента» и современного политического положения, причем легче всего даются коммунистами односложные ответы — да, нет, — не требовавшие развернутого обоснования. Исторические и теоретические экскурсы оказываются куда более сложными для отвечающих. Так, М. Г. Давыдов, правильно ответив на вопросы о том, где проходила конференция по разоружению и входит ли СССР в Лигу наций, не смог рассказать о том, с какой целью создана последняя.²⁰⁴ Возникает ощущение, что, говоря о «текущем моменте», коммунисты словно идут на ощупь, опасаясь чрезмерно углубиться в детали того или иного события — верный признак того, что многое в политике ими уловлено поверхностно, посредством ключевых идеологических формул, дальше которых они не идут.

Самыми примечательными можно счесть их ответы об основных положениях коммунистической теории. Прямо скажем, они нередко сумбурны. Из системы коммунистических постулатов обычно выхвачен и огрубленно представлен лишь один тезис, правда, отметим это особо, прежде высказанный иногда в афористической форме. Так, В. И. Шидловская на вопрос: «Что Ленин сказал о женщинах?» ответила: «Освободить от кухни».²⁰⁵ Но показательно даже не это, а то, что в ряде случаев подвергаемые проверке коммунисты не замечали логических неувязок и противоречий в череде следующих друг за другом ответов. Нет системности взгляда: каждый из элементов социалистической практики предстает перед ним в обособленном виде. Вот, например, запись ответов М. Г. Давыдова на вопросы о сущности социализма:

«Вопрос: При социализме будет частная собственность?»

Ответ: Да, будет.

Вопрос: Что такое социализм?

Ответ: Это бесклассовое общество.

²⁰⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 1 Д. 528. Л. 3 об.

²⁰⁵ Там же. Л. 17 об.

Вопрос: Будет классовая борьба при социализме?

Ответ: Будет». ²⁰⁶

Пожалуй, путаница в вопросе о собственности здесь еще оправдана для того, кто не очень понимает, почему собственность, принадлежащая частному лицу, называется то личной, то частной. Ответ он черпает из двух источников: 1) программно-теоретических занятий и 2) из агитационно-публицистической практики (митинги, собрания, радио, листовки, пресса). Воздействие последних оказывается сильнее, чем воздействие занятий теорией в политкружке. Едва он слышит о классовой борьбе, он сразу воспринимает ее именно в обусловленном «текущим моментом» упрощенно-лозунговым варианте, а не так, как она оценивается в различных «азбуках коммунизма». Отсюда противоречия. Социализм, согласно марксистско-ленинской теории, должен изживать классовое общество. Отвечающий несколько примитивизировал это положение, но в целом передал его правильно, если учесть, что «красными профессорами» еще к тому времени не была отчетливо проведена грань между социализмом и коммунизмом и они нередко воспринимались как синонимичные понятия. Все это так, но утверждать, что при социализме не будет классовой борьбы — значит лить воду на мельницу бухаринцев и прочих «правых уклонистов», утверждавших о мирном вращении кулака и «замазывать» (как говорили в то время) борьбу с остатками нэпманской буржуазии. Вследствие этого и оказывается, что в бесклассовом обществе будет классовая борьба. Каждый ответ сам по себе логичен, а в совокупности они выглядят нелепо — и для оценки уровня политической грамотности коммуниста как раз и важно то, что он не чувствует этой нелепицы.

В каждом ответе имеется не только то, что получено зубрежкой во время занятий в кружке, но и некая «игра в отгадки» — предположение о том, как могло что-то происходить в действительности, исходя из общих и нередко примитивных представлений о характере и природе различных политических движений и партийных режимов. Особенно здесь характерны ответы на вопросы о сущности фашизма, ставшие весьма актуальными в 1933 г., в связи с приходом нацистов к власти в Германии. Обратим внимание на ответы Миронова:

«13. Где есть фашисты?

²⁰⁶ Там же. Л. 18.

В Германии

14. Что они делают?

Угнетают рабочий класс.

15. Как работает там коммунистическая партия?

Работает подпольно».²⁰⁷

О фашизме в 1933 г. и пресса и агитаторы высказывались не столь односложно. Отмечался и поджог рейхстага, и арест Г. Димитрова, и подавление профсоюзов, и выход из Лиги наций, и запрет политических партий и вообще многое другое. Ничего этого в ответе Миронова нет. Есть лишь единственная реплика, подчеркивающая обязательный атрибут любого классового врага, будь то фашист или социал-демократ, интервент или белогвардеец, Гитлер или Носке, Клемансо или Ллойд-Джордж: «угнетают рабочих». Это то, что осталось, и осталось надолго. Все прочие детали и этапы событий, сиюминутные тактические комбинации, протесты, манифестации, митинги этот коммунист не замечает.

Другому из проверяемых, М. Г. Давыдову, был задан вопрос: «Есть разница между фашизмом и социал-демократией?»²⁰⁸ Вопрос оказался для него трудным, поскольку требовал знания деталей программ обоих политических течений, о чем он, видимо, был мало осведомлен. Он идет по более простому пути: «Фашизм всецело поддерживают буржуазию и социал-демократию тоже».²⁰⁹ Вот как конструируется ответ: фашизм привела к власти буржуазия (это стало почти аксиомой и было усвоено накрепко), социал-демократия отстаивает интересы буржуазии (об этом в многочисленных советских «агитках» говорилось еще задолго до появления фашизма), значит, эти движения связаны узами сотрудничества. Перед нами не политическая безграмотность, а своеобразная «логическая» примитивизация и так донельзя упрощенного коминтерновского тезиса о соглашательстве социал-демократии как факторе, облегчившем победу фашизма. Другой коминтерновский тезис о том, что тенденции фашизма обнаруживаются в различных государствах (Испания, Италия, Польша, Литва), хотя и в разной степени, на этом собрании получает еще более причудливое оформление. Тут чувствуется та же механика упрощения: «Вопрос: Почему все

²⁰⁷ Там же. Л. 5.

²⁰⁸ Там же. Л. 18.

²⁰⁹ Там же.

страны поддерживают у себя фашизацию?» Ответ: Если им не фашизироваться, то им нельзя существовать».²¹⁰

Расплывчатость формулировки вопроса, редкостная парадоксальность ответа в совокупности выявляют недостаток общей культуры участников диалога, не умеющих ясно и без импровизаций изложить прочитанное в брошюрах и услышанное на лекциях. Догматическая трактовка причин «фашизации» (а ее и придерживается отвечающий) предполагает, что установление фашистских диктатур есть попытка правящих классов разгромить рабочее и социалистическое движение — только не «мирными» средствами буржуазной демократии, которые оказываются неэффективными, а грубыми методами, основанными на насилии и жестоком подавлении прав и свобод личности. Сравните этот тезис и его переложение Давыдовым («если им не фашизироваться, то им нельзя существовать») и будет отчетливо видна схема перевода политических понятий на повседневный язык, характерный для неполитизированного мышления.

Наиболее типично для ответов использование различных слов-штампов и даже целых блоков клише для объяснения политических реалий. Они «встраиваются» в речь и являются доминантой, определяющей ее последовательность, причем заметно, что использование одного клише ассоциативно создает цепочку других клише вследствие того, что они тесно связаны между собой в системе целостной коммунистической догматики. Выбор клише в известной мере определяется заданным вопросом, но нередко отвечающий своеобразно «достраивает» его, порой сугубо экзотично и неумело. Таков диалог коммуниста Демшина с одним из участников собрания.

«...Если ты не знаешь, как говорил в своей биографии, кто отец по классу, так можешь и не различить классовое лицо вообще сейчас?

...В этом я разбираюсь.

...Какая разница между кулаком и твердозаданцем?

...Твердозаданцем является тот, у кого еще не созрело лицо кулака».²¹¹

Импульсом для перехода на политический жаргон стал вопрос об «отце по классу». Безграмотное выражение не поставило в тупик Демшина, как и более распространенное в агитпропли-

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же. Л. 3 об.

тературе замечание о «классовом лице». Он понимает вопрос и может на него ответить, но при этом придерживается его канвы и лексики. По тому, как он это делает, заметно, сколь мал у него запас политических формул. Эта бедность его политического словаря сказывается и в его последующих ответах:

«В чем в основном заключается закон соцсобственности?

В охране собственности.

В чем заключается классовая борьба?

В том, что мы должны искоренить кулака».²¹²

Он занимался в партийной школе и даже счел нужным отметить, что «в этом году проходили историю партии».²¹³ Вот, однако, каков уровень его политической образованности. В воспринятой фрагментарно марксистской теории он вычленил наиболее простой, но, видимо, самый понятный ему тезис, оформленный столь знакомыми ему «агитками» времен коллективизации. Классовую борьбу он сводит исключительно к схватке с кулачеством — т.е. к тому, о чем в последние годы он слышал особенно часто. Здесь нет и следов изучения теоретической доктрины. Это сводка последних политических новостей, переданная к тому же скупно, возможно потому, что понята смутно. Заметны те «кальки», по которым он способен сконструировать любой, хотя и однотипный ответ:

«Социал-демократия является авангардом?

Буржуазии».²¹⁴

Все просто: коммунисты являются авангардом рабочего класса, социал-демократия — буржуазии. Он даже не чувствует официозной патетики слова «авангард» и механически применяет его к любому классу. И не только он. Коммунист И. Т. Шматов на вопрос: «Что такое партия?» почти автоматически ответил: «Передовой авангард рабочего класса»,²¹⁵ даже не поинтересовавшись и не уточнив, о какой партии идет речь — буржуазной, фашистской, коммунистической или социал-демократической. В таком автоматизме все прочно заученное, огрубленное, предельно краткое, сведенное к словам-штампам, нашло свое адекватное отражение. Этот автоматизм чувствует-ся и в другом его ответе:

²¹² Там же.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же. Л. 17 об.

«Вопрос: Кто возглавил правый уклон?»

Ответ: Правый уклон — Бухарин, левый уклон — Троцкий». ²¹⁶

Воспроизведенное им ассоциативно сочетание двух клише он не способен разорвать, независимо от того, о чем его спрашивали — столь крепко спаяны они в его сознании. А вот и вопрос по новой истории: «Причина гибели Парижской коммуны?» ²¹⁷ Ответ («Не было подготовки пролетариата, не были захвачены банки и телефон» ²¹⁸) несомненно основан на канонической ленинской версии условий переворота (высказанной в статье «Марксизм и восстание») и упрощенной трактовке событий октября 1917 г., приведенной в тогдашней историко-партийной литературе и здесь еще более примитивизированной. Оговорка о телефоне едва ли случайна — ответ «достаивает» логическую цепочку причин и условий революции современными реалиями. более понятными, более привычными, и не требующих чрезмерной эрудиции. Его отклик на вопрос о том, где возникла Парижская коммуна — «у нас» — не столь анекдотичен, как кажется: в его сознании могли слиться воедино и Бакинская коммуна (значимый историко-революционный факт, о ней нередко писали в те годы) и Северная коммуна, куда еще совсем недавно входила Новгородская губерния.

Изученные нами ответы коммунистов на вопросы участников партийных собраний, посвященных проведению «чисток» в 1933 г., не могут конечно, претендовать на то, чтобы всесторонне осветить основные элементы политической культуры членов ВКП(б) в конце «великого перелома». Их необходимо поэтому сверять с другими источниками — личными письмами, автобиографиями, прошениями и жалобами, направляемыми в вышестоящие инстанции, доносами, докладами различных партийных структур, спецсообщениями ОГПУ и НКВД. Вместе с тем именно рассмотренные нами документы позволяют лучше, чем что-либо иное, определить уровень политической грамотности людей, отнесенных к авангарду советского общества и, что еще более важно, понять их ценностные ориентации, мировоззренческий кругозор, формы восприятия политических реалий и попытки самостоятельной ориентации в них.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Выделено нами.

Сделать это исследователю нелегко. Много приходится читать «между строк», по оборванной фразе, скороговорке реконструировать источники и приемы политических медитаций. Разумеется, невозможно в работе, посвященной региональной истории, делать общие выводы, касающиеся России в целом, но ряд отмеченных в ней тенденций весьма симптоматичен. Главное, на что сразу обращаешь внимание — это крайне низкий уровень политграмотности членов ВКП(б), который естественно было бы соотнести с их культурой в целом. Много говорилось наугад, невпопад и с характерными абберациями имен, названий и событий, показывающих, что коммунисты больше слушали, чем читали, и не всегда отчетливо воспринимали услышанное. Это явление, так огорчавшее агитпропработников, стоит, однако, признать закономерным для эпохи «штурма и натиска» 1930-х гг., когда ставилось слишком много задач перед людьми, случайно оказавшихся в водовороте истории. Перед нами неофиты коммунизма — мало интересующиеся его прошлым, не способные разобраться в его настоящем и оценить его принципы и формулы, не готовые признать его заблуждения — но как и положено неофитам, самостоятельно или под руководством других прокладывающие путь к светлому будущему и не останавливающихся перед препятствиями на этом пути.